(ис)пугаться и др., в английском языке соответствуют сочетания глагола-связки *to be* с причастием прошедшего времени от переходных глаголов *to interest, to surprise, to frighten: Он интересуется музыкой. – He is interested in music.* Безличные конструкции с возвратными глаголами составляют специфическую особенность русского синтаксиса и в английском языке не имеют адекватных способов выражения. Смысл данных конструкций передается личными конструкциями с глаголами *can(cannot)* и (*do not) feel like: Мне не спится. – I cannot go to sleep./I do not feel like sleeping.* В результате сопоставительного анализа русских возвратных глаголов и их английских соответствий авторы приходят к выводу, что возвратным глаголам русского языка в английском могут соответствовать глаголы как в действительном, так и в страдательном залоге, при этом английские глаголы действительного залога могут употребляться либо в переходном, либо в непереходном значении.

О.К. Клименко

СИНТАКСИС

2005.04.021. ШАРИНА Е.В. СИНТАКСИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ ПРИЧАСТНЫХ ОБОРОТОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ: (На материале стиля художественной литературы и газетно-публицистического стиля). – М.: Моск. гуманит. пед. ин-т, 2004. – 137 с.

Монография посвящена рассмотрению причастных оборотов и их синонимов, а также сравнению их трансформационных возможностей. Книга состоит из двух частей и «Заключения».

Часть первая «Теоретические основы исследования причастных оборотов в немецком языке в сопоставлении с русским языком» начинается с краткого обзора специальной литературы по теме «контрастивная лингвистика как сравнительная дисциплина». Констати-руется, что в последние годы наметилось сближение проблематики сопоставительных исследований с функциональным подходом к языку, выдвигаемым функциональной грамматикой (А.В. Бондарко).

Исследуя черты сходства и различия немецких и русских причастий, Е.В. Шарина подчеркивает, что система причастий обнаруживает прямую связь с категорией залога: имеются причастия действительного и страдательного залогов (*читающий, читавший – читаемый, читанный, lesend – gelesen*). Предложение, в котором актуализирован тот или иной залог, трансформирует-

ся в атрибутивное словосочетание: *рабочие строят – строящие рабочие; дом построен – построенный дом; das Fenster ist geöffnet «*окно открыто» – *das geöffnete Fenster «*открытое окно». Отмечается, что в немецком языке эта трансформация возможна только в сфере настоящего времени для причастий страдательного залога. Причастие II со значением настоящего времени отнесено к грамматической идиоматике (типа *die geliebte Heimat «*любимая Родина», *geehrte Gäste «*уважаемые гости»). Временные отношения, выражаемые причастиями, имеют относи-тельный характер, т.е. они выражают время в отношении к действию сказуемого предложения (одновременность / неодновременность).

В системе русских причастий трансформация происходит последовательнее, отмечает автор, так как здесь более регулярно и симметрично проявляется связь причастий с глаголами. Так, русские непереходные глаголы не могут иметь и не имеют форм причастий страдательного залога, в то время как немецкие непереходные глаголы имеют форму Partizip II (gelaufen от laufen «бежать / бегать»), которая, однако, не может употребляться атрибутивно, а Partizip II непереходных неопредельных глаголов в функции определения не выражает залоговых отношений (das erwachte Kind «проснувшийся ребенок»). Это наглядно иллюстрирует нерегулярность связи причастий немецких глаголов с системой залоговых отношений.

В этой же главе проводится сравнение категорий времени и вида в немецком и русском языках. Констатируется, что в русском языке нет специальных морфологических средств для передачи значения относительного времени: различия между значениями относительного и абсолютного времени проявляются лишь в конкретном высказывании. Более четко значение относительного времени выражается средствами «периферии глагольной системы, т.е. в сфере форм. Так, деепричастия совершенного и несовершенного вида передают относительные значения одновременности и предшествования (например: *делая – сделав).* Значение предшествования присуще также действительным причастиям прошедшего времени совершенного вида (например: *взявший, прыгнувший*); страдательные прошедшего времени в соответствии со своей семантикой имеют результативное значение и тем самым сближаются с соответствующими деепричастиями (например: *мытый, прикрытый*).

Противоречивость реализации значения вида в немецком языке относительно вида в русском языке говорят о разнонаправленных характеристиках глагольных систем этих языков. (…) Нарастание видового значения на периферии глагольной системы немецкого и относительно-временного на перифе-

рии глагольной системы русского языка является иллюстрацией отношения центра и периферии» (с. 24).

В подсистеме немецких причастий аналогии русскому виду более выражены, нежели в сфере личных глагольных форм. «Если личные формы рассматривать как центр глагольной системы, а неличные (в том числе и причастия) как ее периферию, то значение вида в немецком языке оказывается на периферии глагольной системы. В центре же доминирует значение времени» (с. 25).

Рассматривая субстантивные и глагольные группы в немецком и русском языках, Е.В. Шарина указывает, что отсутствующему в немецком языке деепричастию (в русском языке деепричастие выполняет функции дополнительного сказуемого) могут соответствовать обстоятельственные конструкции причастия II от предельных непереходных глаголов, имеющих активное значение и обозначающих действие, предшествующее основному: *Nach Hause gekommen, rief er mich sofort an* «Придя домой, он тут же позвонил мне». Причастие I в адвербиальном употреблении сопоставимо с русским деепричастием несовершенного вида*: Die Kinder laufen schreiend im Hof herum* «Крича, дети бегали по двору».

Таким образом, заключает автор, «типологическое сравнение возможностей расширения предложений в немецком и русском языках свидетельствует о наличии в каждом языке характерологического аспекта (в русском языке это широкое применение причастных оборотов, обусловленное более развитой системой причастий, деепричастий, в немецком языке – большая продуктивность распространенных определений, фиксированный порядок слов в группах распространения… Сравниваемые языки можно противопоставить по характерологическому компоненту как язык закрепленно-связан-ного строя (немецкий) и язык относительно-несвязанного строя (русский)» (с. 30).

Анализ проблемы синтаксической синонимии также начинается с краткого обзора специальной литературы, в которой синтаксическая синонимия рассматривается в направлении: 1) от содержания к форме (А.Н. Гвоздев, А.М. Пешковский, В.П. Сухотин, А.Н. Устюж-ников, В. Порциг, Э. Агрикола, М. Дойчбайн и др); 2) от формы к содержанию (В.Н. Ярцева, Е.И. Шендельс, Е.В. Гулыга, В. Бранден-штайн, Г. Хельбиг, И. Буша, Х. Драйер, Р. Шмитт и др.).

В тесном взаимодействии синонимических единиц Е.В.Шарина видит предпосылку формирования функционально-синонимичес-кого ряда как единицы более сложного и высокого структурного и семантического порядка, чем семантика отдельного слова. «Связь многозначности и синонимии, лексиче-

ская ассимиляция показывают, что ряд – это не только синхронная площадка, где задерживается и направляется поток ассоциаций, многозначных слов, формируется синонимическое значение как этих слов, так и слов, образованных в результате синонимического словопроизводства» (с. 49). Автор пользуется термином «функционально-синонимический ряд», так как в основу работы положены исследования, рассматривающие синонимию причастных оборотов и предложений со сходными синтаксическими функциями.

Констатируются следующие общие признаки поля и функционально-семантического ряда: 1) «…и поле, и функциональные синонимы не ограничиваются каким-либо одним уровнем: в обоих случаях …языковые явления предстают в их переплетении и взаимосвязи. При определении как поля, так и функциональных синонимов различают основные и второстепенные языковые средства, «центр» и «периферию», функции члена предложения по отношению к подчиняющей части предложения или к главному предложению» (с. 51).

Затем анализируется роль трансформационного метода в рассмотрении синтаксической синонимии (также дается анализ специальной литературы: Н. Хомский, В.В. Иванов, Д.Н. Шмелев, А.М. Мухин, Ю.Д. Апресян, Х. Глинц, И. Ленерц и др.). Е.В. Шарина считает, что вопрос о синтаксической синонимии пока еще не получил всестороннего освещения.

В части второй «Причастные обороты и их синонимы в немецком языке в сопоставлении с русским языком в различных функциональных стилях» анализируется использование названных конструкций в стиле художественной литературы и в различных жанрах газетно-публицистического стиля (передовой статье, комментарии, кратком сообщении и заметке).

В «Заключении» указывается, что «русский язык проявляет склонность к трансформациям в отличие от немецкого языка» (с. 125). Автор объясняет это особенностями строя русского языка, относящегося к флективным. «Наличие в русском языке деепричастных оборотов, категории вида, богатая падежная флексия, отсутствие рамочной конструкции… делают возможными трансформации, соответствующие грамматическим и стилистическим нормам языка. Немецкий язык, включающий в свой строй аналитические элементы, не проявляет склонности к трансформациям» (там же).

Н.Н. Трошина